

Научная статья

УДК 327.8

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-162-175

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ВЫЗОВЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Алаудинов А. А.¹, Лескова И. В.^{2*}, Зязин С. Ю.²

¹ Чеченский государственный педагогический университет

г. Грозный, Российская Федерация

² Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: leskova.i@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.01.2026

После доработки 25.01.2026

Принята к публикации 03.02.2026

Аннотация

Цель. Исследование аксиологического конфликта между традиционными российскими ценностями и философией постмодернизма как фактора, влияющего на национальную безопасность России.

Процедура и методы. Проведён междисциплинарный анализ, основанный на синтезе теоретических подходов теории секьюритизации (Копенгагенская школа) и цивилизационного подхода. Осуществлён анализ содержания официальных документов (Стратегия национальной безопасности, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей), научной литературы и социологических данных для выявления ключевых линий ценностного противостояния. Используются сравнительно-политологический и геополитический методы для выявления международного измерения конфликта.

Результаты. Выявлены и систематизированы основные линии аксиологического конфликта: коллективизм – радикальный индивидуализм, стабильная – «текучая» идентичность, традиционная семья – релятивизация семейных ценностей, труд как служение – инструментальная самореализация, приоритет духовного – диктат материального, историческая память – деконструкция истории. Доказано, что в современном политическом дискурсе традиционные ценности прошли процесс секьюритизации, т. е. представлены как объект экзистенциальной угрозы, исходящей от постмодернистской идеологической экспансии и имеющей ярко выраженное внешнеполитическое измерение. Выявлено, что Россия в своей внешней политике позиционирует себя как государство-цивилизация, которое защищает традиционные ценности на международной арене, и эта позиция находит отклик у консервативных сил в западных

странах. Обосновано, что защита традиционных ценностей становится стратегическим императивом обеспечения культурного и ценностного суверенитета Российской Федерации.

Теоретическая и/или практическая значимость заключаются в концептуализации ценностного суверенитета как многоуровневой системы (смысловой, аксиологической, коммуникативный уровни), расширяющей теоретическую базу исследований национальной безопасности и международных отношений. Выводы могут быть использованы при разработке образовательных программ и стратегий в сфере молодёжной политики и укрепления общероссийской гражданской идентичности, а также для выстраивания международных связей с консервативными политическими силами за рубежом.

Ключевые слова: аксиологический конфликт, идентичность, национальная безопасность, постмодернизм, секьюритизация, традиционные ценности, ценностный суверенитет, международные отношения, глобальный консерватизм, государство-цивилизация

Для цитирования:

Алаудинов А. А., Лескова И. В., Зязин С. Ю. Традиционные ценности и вызовы постмодернизма: аксиологический конфликт в контексте национальной безопасности России // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 162–175.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-162-175

Original research article

TRADITIONAL VALUES AND THE CHALLENGES OF POSTMODERNISM: AN AXIOLOGICAL CONFLICT IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

A. Alaudinov¹, I. Leskova^{2*}, S. Zyazin²

¹ Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russian Federation

² Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: leskova.i@yandex.ru

Received 10.01.2026

Revised 25.01.2026

Accepted 03.02.2026

Abstract

Aim. To study the axiological conflict between traditional Russian values and the philosophy of postmodernism as a factor affecting Russia's national security in the context of contemporary international relations.

Methodology. An interdisciplinary analysis was conducted, based on a synthesis of the theoretical approaches of securitization theory (the Copenhagen School) and the civilizational approach. A content analysis was carried out of official documents (the National Security Strategy, the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values), academic literature, and sociological data to identify the key lines of value confrontation. Comparative political and geopolitical methods were employed to reveal the international dimension of the conflict.

Results. The main lines of the axiological conflict have been identified and systematized: collectivism versus radical individualism; stable identity versus «fluid» identity; the traditional family versus the relativization of family values; labor as a calling versus instrumental self-fulfillment; the primacy of the spiritual versus the dictates of the material; historical memory versus the deconstruction of history. It has been proven that in modern political discourse, traditional values have undergone a process of securitization – that is, they are presented as an object of an existential threat emanating from postmodern ideological expansion and possessing a pronounced foreign policy dimension. It is revealed that Russia in its foreign policy positions itself as a state-civilization that defends traditional values on the international stage, and this stance resonates with conservative forces in Western countries. It is substantiated that the protection of traditional values is becoming a strategic imperative for ensuring the cultural and value sovereignty of the Russian Federation.

Research implications. The theoretical significance lies in the conceptualization of value sovereignty as a multi-level system (encompassing the semantic, axiological, and communicative levels), thereby expanding the theoretical framework of national security and international relations research. The findings of the article can be applied in the development of educational programs and strategies in the field of youth policy and the strengthening of a common Russian civic identity, as well as for building international ties with conservative political forces abroad.

Keywords: axiological conflict, identity, national security, postmodernism, securitization, traditional values, value sovereignty, international relations, global conservatism, state-civilization

For citation:

Alaudinov, A. A., Leskova, I. V. & Zyazin, S. Yu. (2026). Traditional values and the challenges of postmodernism: an axiological conflict in the context of Russia's national security . In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 162–175.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-162-175

Введение

Глобальная конкуренция в XXI в. всё чаще приобретает характер ценностного противостояния, когда аксиологическая сфера становится полем битвы за влияние и суверенитет. «Современный мир находится на переломе эпох, – отмечает О. Г. Карпович. – Речь идёт не только о закате однополярной системы, на смену которой должна прийти более справедливая многополярность. Всё более очевидно, что большую роль в конфликте между этими моделями имеют ценности, и это противоречие – не между демократией и авторитаризмом, но между интересами группы государств, претендующих на глобальное доминирование, и интересами всех народов мира» [1, с. 39].

Для России с её уникальным историческим опытом масштабных социальных трансформаций вопрос о ценностных основаниях общественной консолидации имеет мировоззренческое и стра-

тегическое для национальной безопасности значение. Ценностный вакуум, возникший после распада СССР и либеральных реформ 1990-х гг., обусловил запрос общества на стабильность и чёткие нравственные ориентиры [2]. Ответом на него стал сформулированный на государственном уровне «консервативный поворот», в рамках которого традиционные ценности были возвращены в публичный дискурс и включены в стратегические документы, определяющие национальную безопасность [3].

Принципиальное отличие текущего ценностного противостояния от исторических идеологических конфликтов (например, спор западников и славянофилов в XIX в.) заключается в его всеобъемлющем характере. Ранее речь шла о соперничестве различных проектов будущего в рамках общей онтологии, а постмодернистский подход направлен на девальвацию самой категорий «будущего» и «ис-

тины», что придаёт конфликту измерение «молекулярной» войны (А. Грамши) за основы человеческого мировосприятия.

Одновременно нарастало влияние мировоззрения, условно объединяемого понятием «постмодернизм», для которого характерны релятивизм, отрицание универсальных истин («метанарративов») и деконструкция устойчивых идентичностей [4]. Исследователи фиксируют, что культура постмодерна отказывается от классических ценностных иерархий, отдавая приоритет иррациональному началу, хаосу и динамизму [5, с. 265]. В рамках данной парадигмы, как показывает анализ, само понятие «ценность» подвергается эрозии, а это позволяет некоторым авторам характеризовать постмодернизм как «культуру без ценностей» [6, с. 323]. Основной тезис Ж.-Ф. Лиотара о «недоверии к метанарративам» ведёт, по его мнению, к «неуправляемому возрастанию сложности» [4], а на практике оборачивается кризисом доверия любым формам социальной интеграции – от религии до национального государства.

В российском экспертно-политическом дискурсе данные тенденции нередко интерпретируются как инструмент целенаправленной ценностной экспансии, нацеленной на подрыв культурного кода и национального суверенитета [7; 8]. А. А. Олейников, например, рассматривает постмодернизм как «идеологическую и философскую основу тотальной войны Запада против Востока и России», выступающую в роли «концептуального оружия» для слома традиционной морали [7]. В этом контексте принципиально значима оценка президента России В. В. Путина¹. Аксиологический конфликт, таким образом, предстаёт актуальной проблемой национальной безопасности, имеющей ярко выраженное международное измерение и требующей междисциплинарного анализа.

¹ Обращение президента Российской Федерации. 24.02.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3T5Y34> (дата обращения: 17.10.2025).

Теоретико-методологические основания анализа традиционных ценностей в контексте безопасности

Для анализа роли традиционных ценностей в системе национальной безопасности необходимо, во-первых, раскрыть содержание самого понятия «традиционные ценности», а во-вторых, определить методологический подход, позволяющий сопрягать ценности с проблемами безопасности в международно-политическом контексте.

Понятие «традиционные ценности» в научной литературе отличается смысловой многогранностью. В самом общем виде традиционные ценности понимаются как совокупность фундаментальных идеалов, объединяющих общество и имеющих глубокие корни в его истории. При этом в критической традиции, восходящей к Э. Хобсбауму, подчёркивается, что многие «традиции» являются «изобретёнными» и служат ответом на вызовы современности, маскируясь под отсылку к древности². Между тем в современной России понятие получило чёткое нормативное закрепление, что позволяет использовать его как рабочий инструмент для анализа государственной политики и рассматривать как начало нового этапа идеологического строительства [9; 10].

Согласно Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, к таковым относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая

² Хавкин А. Традиционные ценности в концептуальных документах России [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/traditionnye-tsennosti-v-kontseptualnykh-dokumentakh-rossii/> (дата обращения: 17.10.2025).

память и преемственность поколений, единство народов России¹.

В широком смысле традиционные ценности представляют собой исторически сложившиеся принципы и нормы, задающие общепринятые модели поведения. В более узкой трактовке, применимой к конкретному государству, они формируются под влиянием его идеологии, культуры, религии и политического режима, приобретая тем самым уникальные черты [1, с. 41].

Подчеркнём, что в официальном дискурсе природа традиционных ценностей трактуется как гибкий конструкт, формируемый обществом для ответа на актуальные потребности настоящего, при этом апеллирующий к историческому опыту для обоснования своей значимости [2; 11]. Согласно конструктивистскому подходу, такая подвижность, сопровождаемая отсылкой к прошлому, делает ценности одновременно востребованными, органичными и фундаментальными для данного общества [11]. Такой подход позволяет рассматривать их как динамичный элемент общественной системы – основу, которая, сохраняя преемственность, удерживает целостность общества при любых внешних и внутренних потрясениях.

Для анализа роли традиционных ценностей в контексте безопасности продуктивно обращение к теории секьюритизации Копенгагенской школы, которая трактует безопасность не как объективную данность, но как социальный конструкт, который создаётся в дискурсе путём представления определённого объекта в качестве объекта экзистенциальной угрозы; тем самым он служит оправданием для применения чрезвычайных мер [12]. Анализ официального дискурса,

проведённый рядом исследователей, показывает, что традиционные ценности в России прошли именно этот путь секьюритизации. Такое представление позволило перевести их из сугубо моральной плоскости в сферу национальной безопасности [3]. Из этого следует, что теория секьюритизации предоставляет адекватный методологический инструментарий для анализа того, как ценности становятся фактором безопасности.

Защита традиционных ценностей органично вписана во внешнеполитическую стратегию России как неотъемлемая часть её цивилизационного суверенитета. В новой редакции Концепции внешней политики России² используется понятие «государство-цивилизация», ядром которого являются именно ценности. Россия противопоставляет консервативный ценностный курс леволиберальной глобалистской повестке, при этом важно, что «либеральная модель» не тождественна всему Западу: в Европе и США существуют политические силы, которым чужды неолиберальные установки [13, с. 108]. Данное обстоятельство открывает возможности для анализа международного измерения аксиологического конфликта и выявления потенциальных союзников России за рубежом.

Философия постмодернизма, оформившаяся во второй половине XX в., предлагает радикально иную, по сравнению с традиционной, систему координат, и в контексте безопасности она может быть интерпретирована как дестабилизирующая.

Её базовый принцип – «недоверие к метанарративам», т. е. к универсальным теориям, претендующим на истину в последней инстанции [4]. Недоверие распространяется на религию, идеологию, науку и мораль, которые рассматривают-

¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 17.10.2025).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 17.10.2025).

ся как языковые игры, служащие инструментами власти. В культуре это выражается в приоритете новизны, игрового начала, стихийности и отрицания всех норм и традиций [5, с. 265]. В рамках постмодернистского подхода идентичность индивида лишается устойчивого ядра и предстаёт как фрагментированная, текучая и ситуативная конструкция. З. Бауман, введя метафору «текучей современности» [14], описывает идентичность в эпоху постмодерна как набор масок, лишённых подлинности: самоидентификация становится игрой с культурными кодами [15]. Методологической основой такого подхода служит провозглашённая постструктурализмом «смерть автора»: будучи перенесённой в социальную сферу, она ведёт к пренебрежению объективными основаниями идентичности (историей, культурным каноном, национальным характером) [16, с. 59].

В отечественной научной мысли данная мировоззренческая парадигма оценивается и как инструмент целенаправленного воздействия в рамках гибридной войны. Анализируя постмодернизм в контексте «тотальной войны», исследователи подчёркивают, что его главной задачей является «ломка "некоторых компонентов традиционной системы ценностей"» – «необходимое условие» для подчинения общества новым неолиберальным стандартам [7]. Меняя содержание системообразующих ценностей посредством «молекулярной агрессии в "культурное ядро"», эта стратегия, по их мнению, лишает человека «точки опоры» и ведёт к «хаосу в культурном ядре» и дезинтеграции общественного организма. Релятивизм и отрицание метанарративов таким образом оцениваются как элементы «концептуального оружия».

Конкретными механизмами такого концептуального воздействия выступают, в частности:

1) деконструкция образовательных стандартов, при которой классический культурный канон, основанный на ие-

рархии ценностей и исторической преемственности, замещается эклектичным набором текстов, а логика научного поиска объективной истины подменяется риторикой «множественных перспектив» и «ситуативного знания». Так систематически подрываются когнитивные основания для усвоения традиционных ценностей, формируется «текучее» и фрагментированное сознание;

2) прагматика медиадискурса, где технология отмены (*cancel culture* – культура отмены) и постоянный пересмотр норм становится инструментом подавления инакомыслия. Ирония и игра, характерные для раннего постмодерна, сменяются новой догматикой «политической корректности», которая, однако, также не обладает устойчивыми основаниями и подвержена перманентной ревизии, создавая тем самым атмосферу семиотической нестабильности и социальной тревоги.

Основные линии аксиологического конфликта в контексте национальной безопасности России

Анализ позволяет выделить несколько ключевых линий противостояния, каждая из которых имеет непосредственное отношение к устойчивости общественно-государственного организма и проявляется во внутренней и внешней политике.

Первая линия конфликта проходит между традиционным для России коллективизмом и насаждаемым радикальным индивидуализмом. Традиционная для России ценность соборности и коллективизма, понимаемая как взаимопомощь и приоритет общих интересов, сталкивается с продвигаемой установкой на гипертрофированный индивидуализм, при котором личные желания и права абсолютизируются в ущерб социальной ответственности [17; 18]. В «текучей современности», по Бауману, происходит асимметричное распределение ответственности: коллективная ответственность сокращается, а личная возрастает,

тем самым индивид оказывается не защищён от неконтролируемых им глобальных процессов [15]. Такая ситуация создаёт угрозу социальной солидарности, исторически являвшейся залогом выживания и развития российского общества в сложных геополитических условиях. Эмпирические данные, однако, фиксируют противоречивую динамику: с одной стороны, кросс-культурные исследования отмечают рост индивидуализма в России, с другой стороны, в 2020–2022 гг. зафиксирован рост ценности коллективизма среди молодёжи [19, с. 12–13]. Данные показатели могут указывать на актуализацию защиты коллективных оснований идентичности как реакцию на внешнее давление.

Ещё одной линией ценностного раскола выступает *различное понимание труда*: как созидательного служения в традиционной парадигме и как инструмента самореализации в постмодернистской. В системе традиционных ценностей труд понимается как созидательное служение, неразрывно связанное с долгом перед общиной и Отечеством, как преобразующее самого человека духовно-нравственное усилие. В постмодернистской парадигме, напротив, доминирует утилитарный подход: труд редуцируется до инструмента личной самореализации и потребления, лишается коллективного измерения. Указанное различие имеет прямое отношение к экономической безопасности. Традиционная этика труда, основанная на идее служения, ориентирована на стратегические отрасли и долгосрочные национальные проекты. Инструментальный подход порождает «текучую» занятость, ориентацию на сиюминутную выгоду и, как следствие, «утечку умов» и деградацию системообразующих секторов экономики, тем самым ослабляет экономический суверенитет страны.

Интегрирующей осью аксиологического конфликта выступает противостояние *стабильной идентичности* – «те-

кучей» *идентичности*. В основе российской цивилизационной идентичности исторически лежит устойчивая ценностная триада, каноническое выражение которой нашёл в XIX в. министр народного просвещения граф С. С. Уваров в формуле «православие, самодержавие, народность». В современном философско-политологическом дискурсе эта триада, отталкиваясь от идей славянофилов (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский) о соборности, нередко транслируется в универсальных категориях – «духовность, державность, соборность» [20; 21; 22]. Анализируя проблему социокультурной идентичности, исследователи приходят к выводу, что наиболее релевантной для российской цивилизации является модель именно такой триады, включающей в качестве интегральных инвариантов *державность* (приоритет национального суверенитета и сильного государства), *духовность* (следование нормам морали и религии) и *соборность* (гармоничное единение свободных личностей на основе общих ценностей) [23].

Созидательной иерархичной триаде, выстраивающей осмысленный и стабильный миропорядок, в философии постмодернизма противостоит деконструирующая триада: «смерть Бога – смерть автора – смерть субъекта». Оппозиция очевидна: если российская триада утверждает высший сакральный авторитет (Бог/духовность), его земное воплощение в сильной власти (автор/державность) и соборную общность народа (субъект/соборность), то постмодернистская триада последовательно их уничтожает. «Смерть Бога», провозглашённая Ф. Ницше, означает отказ от единого трансцендентного основания морали и смысла, т. е. прямо противоречит ценности духовности. «Смерть автора», по Р. Барту, устраняет фигуру, наделяющую смыслом текст (а по аналогии – историю, государство, закон), и тем самым подрывает принцип державности. Наконец, «смерть субъекта», концептуализированная М. Фуко, отрицает

автономное, суверенное «Я», растворяя личность в языке и дискурсивных практиках, и разрушает онтологические основания соборности [24; 25].

Очевидно, что установка на «текущую» самоидентификацию является прямым следствием данной деконструкции; она ведёт к фрагментации идентичности, кризису самоопределения и, как следствие, к ослаблению общественного организма [8]. Историко-философский анализ позволяет увидеть истоки аксиологического конфликта в более ранних эпохах. Ещё К. Н. Леонтьев в XIX в. прозорливо предрекал появление «среднего человека», ориентированного на сиюминутные потребности и «отстаивание своих прав и свобод, природы и сути которых он не знает», а Х. Ортега-и-Гассет называл этот феномен «вертикальным вторжением варваров» [5, с. 266]. В контексте постмодерна «восстание масс» обретает тотальный характер, будучи направленным против традиционных устоев – державности, духовности и соборности – как основ устойчивой социальной жизни. Культурный суверенитет оказывается под прямым ударом.

Значимой сферой конфликта является *институт семьи*. Крепкая семья как союз мужчины и женщины противопоставляется постмодернистской деконструкции семейных ценностей. Крепкая многодетная семья закреплена в официальных документах как одна из базовых традиционных ценностей. В публичном дискурсе подчёркивается, что определение семьи как союза мужчины и женщины является принципиальной позицией, противостоящей тенденциям, наблюдаемым в ряде западных стран, где происходит узаконивание нетрадиционных форм брака, но которое в российском дискурсе трактуется как отрицание базовых норм¹.

¹ Постмодернистский Запад против Европы и России. Интервью президента ФИП Натальи Нарочницкой изданию *Myśl Polska* (Польша) [Электронный ресурс]. URL: https://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/postmodernistskij_zapad_

В постмодернистском дискурсе понятие семьи подвергается радикальной трансформации, вследствие чего, по мнению российского экспертного и политического сообщества, возникает угроза демографического кризиса и подрыва основ общественной нравственности [3], поэтому задача укрепления воспитательного потенциала традиционных ценностей в образовании актуализируется [26]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² и в Основах государственной политики³ упоминаются угрозы разрушительных действий сообществ, отрицающих «естественное продолжение жизни»; отнесение нетрадиционных форм семьи и брака к категории деструктивных явлений утвердилось и в публичном дискурсе.

Таким образом, защита традиционной семьи напрямую сопрягается с демографической безопасностью и сохранением культурного кода.

Глубинной основой анализируемого конфликта является также противостояние *приоритета духовного над материальным и насаждаемого диктата материального*. Традиционная система ценностей утверждает подчинённость материальных благ духовным и нравственным целям. Постмодернистская культура, будучи порождением общества потребления, напротив, фетишизирует материальный успех, комфорт и сиюминутные удовольствия, объявляя их высшими ценностями. Такая установка, внедряемая через рекламу, массовую

protiv_jevropy_i_rossii_186.htm (дата обращения: 17.10.2025).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2.07.2021 № 400) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 17.10.2025)

³ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 17.10.2025).

культуру и цифровые платформы, ведёт к глубоким мировоззренческим последствиям: аскетизм, служение, готовность к самопожертвованию – качества, которые исторически составляли основу жизнестойкости России, всё настойчивее вытесняются социальным эгоизмом и культом потребления.

Таким образом, отстаивание приоритета духовного оказывается не абстрактным религиозно-философским тезисом, а вопросом мобилизационной способности нации.

Наконец, принципиальное значение имеет *противостояние в области исторической памяти*. Ценность исторической памяти и преемственности поколений является стержнем национального самосознания. Постмодернистские практики, направленные на пересмотр и деконструкцию исторических нарративов, трактуются в России как попытки фальсификации истории с целью подорвать национальную гордость и доверие государству [2; 3]. С точки зрения исследователей, в рамках постмодернистского подхода «повествование не только представляет, но и воспроизводит и перевоссоздаёт реальность в восприятии человека, т. е. "творит реальность"», конструируя альтернативные исторические нарративы, чем открывает широкие возможности для манипуляции историческим сознанием [27]. В этом контексте защита единого, разделяемого обществом взгляда на историю становится элементом информационно-психологической безопасности.

Традиционные ценности как фактор национальной безопасности: синтез подходов

Традиционные ценности перестают быть лишь предметом мировоззренческого выбора и перемещаются в сферу национальной безопасности. Как показано в исследовании президентского дискурса, ценности секьюритизируются, т. е. представляются как объект экзистенци-

альной угрозы, исходящей, прежде всего, извне, от «коллективного Запада» [3]. Таким образом, защита традиционных ценностей становится неотъемлемой частью защиты государственного суверенитета, понимаемого как ценностный или культурный суверенитет. Ценностный суверенитет в этой логике может быть представлен как многоуровневая система, включающая смысловой, аксиологический и коммуникативный уровни [28].

Рассмотрение постмодернизма в качестве «концептуального оружия» [7] в гибридной войне придаёт процессу секьюритизации традиционных ценностей характер не идеологического выбора, но оборонительной необходимости: насаждение неадекватных социокультурным основам России экономических и образовательных моделей, основанных на философии постмодернизма, представляет собой форму концептуальной агрессии. Следовательно, защита ценностного суверенитета, включая создание собственных, основанных на теории национального хозяйства, научных и образовательных парадигм, становится императивом обеспечения национальной безопасности в условиях, когда «учебники по экономической теории и экономические доктрины используются как необычное и сверхмощное оружие» [7].

Приверженность России традиционным ценностям находит позитивный отклик в консервативных кругах за пределами страны. Значительная часть правых интеллектуалов и активистов в Западной и Восточной Европе, отмечают исследователи, положительно воспринимают российскую ценностную позицию и могут рассматриваться как естественные союзники [13, с. 109]. Анализ идеологии европейских «новых правых» показывает, что для них характерны антиглобализм, защита культурной идентичности, критика либерализма и стремление к многополярному миру – всё, что создаёт концептуальную базу для диалога с Россией. В среде европейских правых на-

блюдается тенденция к горизонтальной интеграции на основе общих ценностей и защиты европейского культурного кода от леволиберальной угрозы. В перспективе она может способствовать развитию международного сотрудничества на ценностной основе [13, с. 121].

В данном контексте ценностный суверенитет может быть структурирован как многоуровневая система, включающая:

– *смысловой суверенитет* – способность общества генерировать и отстаивать собственные «метанарративы», большие смысловые проекты, определяющие цивилизационную идентичность и задающие альтернативные постмодернистской фрагментации векторы развития. На практике это проявляется, например, в разработке национальных философских и историософских концепций, основанных на идее преемственности этапов российской истории и особой цивилизационной миссии, а также в продвижении их в образовательной и медийной сферах;

– *аксиологический суверенитет* – утверждение традиционных ценностей как основы для законодательства, социальных институтов и повседневных практик, их неотчуждаемость от публичной сферы. Его конкретным выражением служит, в частности, закрепление приоритета традиционной семьи в Конституции Российской Федерации, а также реализация государственных программ, поощряющих многодетность и патриотическое воспитание;

– *коммуникативный суверенитет* – доминирование в национальном информационном пространстве речевых формул, воспроизводящих традиционную систему ценностей, благодаря которому общество обретает устойчивость к направленным на эрозию базовых понятий («родина», «семья», «вера», «долг») семиотическим диверсиям. Коммуникативный суверенитет обеспечивается работой институтов гражданского общества и государственных СМИ, целенаправленно формирующих ценностно ориентиро-

ванный публичный дискурс, а также правовыми механизмами противодействия распространению подрывающей эти основы информации.

Заключение

Противостояние традиционных ценностей и постмодернистской идеологической экспансии в современной России представляет собой системный конфликт, непосредственно влияющий на основы национальной безопасности и имеющий ярко выраженное международное измерение. Оно выходит за рамки полемики о морали и проявляется в основных сферах общественной жизни: социальной солидарности, национальной идентичности, демографии, исторической политике.

Для России традиционные ценности, прошедшие процесс секьюритизации, выполняют интегрирующую и стабилизирующую функции, обеспечивая общественное единство, необходимое для сопротивления деструктивным воздействиям в условиях «острой информационно-идеологической борьбы» [2]. Традиционные ценности – формируемая новая идеологическая основа развития России и человечества [29]. Закреплённые на государственном уровне их защита и упрочение являются логичным обоснованным ответом на деструктивные тенденции глобализирующегося мира, которые несут в себе риски атомизации общества, утраты национальной идентичности и, в конечном счёте, подрыва суверенитета.

В качестве одного из стратегических направлений исследователями обоснована необходимость разработки альтернативных, адекватных национальным интересам образовательных и экономических моделей. Данный процесс уже начался с введения в вузах курса «Основы российской государственности», призванного формировать мировоззрение на основе традиционных ценностей [10].

Вопрос о соотношении оборонительной и созидательной составляющих в

российском «консервативном повороте» остаётся важным дискуссионным аспектом: с одной стороны, он представляет собой закономерную защитную реакцию на угрозу самим основам общественного устройства; с другой стороны, его долгосрочная устойчивость зависит от способности предложить созидательный проект будущего, альтернативный и постмодернистскому релятивизму, и неолиберальному догматизму. Преодоление антиномии «защита через созидание» становится основной задачей. Последовательное отстаивание традиционных ценностей позволяет России выступать координатором международных сил, близких ей по мировоззренческим установкам [1, с. 48].

Таким образом, аксиологический конфликт между традиционными ценностями и постмодернистской идеологической экспансией не локальный идеологический спор. Речь идёт о масштабном противостоянии за онтологические основания человеческого бытия – за Истину, Смысл, Идентичность и Трансценденцию. Противостояние разворачивается во внутренней политике и в пространстве международных отношений: Россия как государство-цивилизация отстаивает право на ценностный суверенитет и выступает за многополярный мир, основанный на ува-

жении культурных и цивилизационных особенностей. Секулярный гуманизм, исчерпавший свою историческую роль, уступает место постмодернистскому релятивизму, который, в свою очередь, демонстрирует тотальную несовместимость с цивилизационными устоями России.

Стратегия защиты традиционных ценностей, понимаемая как обеспечение ценностного суверенитета, оказывается не ретроградством, а единственно возможной формой сохранения национально-культурной идентичности и стратегической субъектности страны в XXI в. Научная полемика, вероятно, будет смешаться с констатации конфликта на поиск конкретных форм и механизмов утверждения традиционных ценностей как основы новой, обращённой в будущее цивилизационной перспективы. При этом актуальным представляется исследование конкретных механизмов адаптации традиционных ценностей к реалиям цифровой эпохи и сравнительный анализ российского подхода с аналогичными процессами в других незападных цивилизациях, столкнувшихся с давлением мирового постмодернистского дискурса, а также изучение возможностей международного сотрудничества, основанного на единстве ценностных ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпович О. Г. Роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях современного мирового развития // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2. С. 39–51. DOI: 10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51.
2. Гилязова О. С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения // Социально-политические исследования. 2024. № 2. С. 27–45. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-2-23-27.
3. Бислер М. А. Традиционные ценности как составляющая российской безопасности: исследование президентского дискурса 2012–2022 годов // Политическая наука. 2023. № 2. С. 273–294. DOI: 10.31249/poln/2023.02.12.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2016. 160 с.
5. Горбунова Л. И. Постмодерн как тенденция развития культуры XX века // Вестник МГТУ. 2011. Т. 14. № 2. С. 265–271.
6. Меньшиков Л. А. Статус ценностей в постмодерне и диалог культур // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации. СПб.: СПбГУП, 2013. С. 323–325.
7. Олейников А. А. Постмодернизм как философская основа западной системы вузовского образования (к вопросу о необходимости создания евразийской экономической теории и теории национального хозяйства) // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2. Вып. 2. С. 39–45. DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-39-45

8. Растворов А. И., Емельянова О. Б., Маслова Е. С. Постмодерн и традиционная российская идентичность // *Общество: философия, история, культура*. 2025. № 6. С. 222–233.
9. Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль, 2022. 248 с.
10. Иерусалимский Ю. Ю., Попова А. В. Значение традиционных ценностей в преподавании курса «Основы российской государственности» // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2024. № 1. С. 35–46. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-35-46
11. Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта / Г. А. Илларионов, Ю. В. Грицков, О. Ф. Морозова, Д. В. Рахинский // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 10. С. 71–74.
12. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. *Security: a new framework for analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, 1998, 239 p.
13. Концепция глобального консерватизма: Традиционные ценности как мост между Россией и Западом / Д. С. Моисеев, М. И. Сигачев, А. Н. Харин, С. П. Артеев // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 5. С. 108–123. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-108-123
14. Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ. С. А. Комаров. М.: Питер, 2008. 238 с.
15. Багдасарьян Н. Г., Король М. П. «Динамическое теоретизирование» З. Баумана: критическая оптика или поиск жизненных стратегий? // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21. № 2. С. 182–191. DOI: 10.21146/2413-9084-2016-21-2-182-191
16. Коромыслов В. В. Базовые установки постмодернизма как факторы, способствующие углублению духовного кризиса современного общества // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 9. Ч. 2. С. 58–63. DOI: 10.23670/IRJ.2020.99.9.047
17. Туев В. А. Истоки российской цивилизации // *Человек. Социум. Развитие: сб. науч. тр. Иркутск*, 2014. С. 147–152.
18. Свиридкина Е. В. Справедливость как ценность в культурно-цивилизационном коде России // *Культурное наследие России*. 2018. № 2. С. 35–41.
19. Борщевский Г. Традиционные Российские ценности: возможности операционализации и социологическая диагностика // *Russian Sociological Review*. 2025. Т. 24. № 3. С. 9–38. DOI: 10.17323/1728-192x-2025-3-9-38
20. Лазарев В. В. О целостности русской идеи // *История философии*. 1998. № 2. С. 36–55.
21. Пискорская Ю. С. Соборный идеал русской культуры // *Вестник КрасГАУ*. 2013. № 9. С. 282–285.
22. Осипов И. Д. Категория соборности в русской философии // *Россия в глобальном мире*. 2015. Вып. 7. С. 403–410.
23. Поломошнов А. Ф., Лыкова А. В., Лугуценко Т. В. Проблема социокультурной идентичности российской цивилизации // *Культурная жизнь Юга России*. 2024. № 2. С. 28–39. DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-28-39
24. Амирханов А. А. Триада постмодернистской философии: «смерть бога» – «смерть автора» – «смерть субъекта» // *KANT*. 2020. № 2. С. 95–99. DOI: 10.24923/2222-243X.2020-35.19
25. Марон Р. Е. Триада постмодернизма. Смерть Бога, смерть автора, смерть субъекта // *Актуальные проблемы социальных наук: мат-лы конф. / под ред. Ю. Н. Овсянниковой*. Томск, 2022. С. 35–37.
26. Багдасарян В. Э. Традиционные ценности и новое мировоззренческое строительство в России: проблемы и решения // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2024. № 1. С. 8–25. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-8-25.
27. Зыкова Г. Н. Постмодернистская культура и социальное познание // *Философия и общество*. Выпуск № 4 (25). 2001. С. 156–175.
28. Ковригин В. В. Повышение воспитательного потенциала духовно-нравственных ценностей в образовательных программах и преподавании цикла гуманитарных дисциплин в школе // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2024. № 1. С. 47–54. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-47-54
29. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., арх. Сильвестр (С. П. Лукашенко). Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России. Ярославль: Шукаев и др, 2024. 296 с.

REFERENCES

1. Karpovich, O. G. (2024). The role of Russia in upholding traditional spiritual and moral values in the context of modern world development. In: *Russia and the world: scientific dialogue*, 2, 39–51. DOI: 10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51 (in Russ.).
2. Gilyazova, O. S. (2024). Traditional Russian values: concepts, purpose, advantages and limitations. In: *Socio-political research*, 2, 27–45. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-2-23-27 (in Russ.).
3. Bisler, M. A. (2023). Traditional values as a component of Russian security: a study of the presidential discourse of 2012–2022. In: *Political science*, 2, 273–294. DOI: 10.31249/poln/2023.02.12 (in Russ.).
4. Liotar J.-F. (2016). *L'état de la postmoderne*. St. Petersburg: Aletheia Publ. (in Russ.).
5. Gorbunova, L. I. (2011). Postmodern as a trend in the development of culture of the XX century. In: *Bulletin of MSTU*, 14-2, 265–271 (in Russ.).
6. Menshikov, L. A. (2013). The status of values in postmodern and the dialogue of cultures. In: *Dialogue of cultures: values, meanings, communications*. St. Petersburg^ SPbGUP Publ., 323–325 (in Russ.).
7. Oleinikov, A. A. (2016). Postmodernism as the philosophical basis of the Western system of university education (on the need to create a Eurasian economic theory and theory of national economy). In: *Scientific result. Sociology and governance*, 2-2, 39–45. DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-39-45 (in Russ.).
8. Solutions, A. I., Emelyanova, O. B. & Maslova, E. S. (2025). Postmodern and traditional Russian identity. In: *Society: philosophy, history, culture*, 6, 222–233 (in Russ.).
9. Baghdasaryan, V. E. & Sylvester (Lukashenko), archimandrite. (2022). *Traditional values: a strategy for civilizational regeneration*. Yaroslavl (in Russ.).
10. Jerusalem, Yu. Yu. & Popova, A. V. (2024). The importance of traditional values in teaching the course "Fundamentals of Russian Statehood". In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 1, 35–46. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-35-46 (in Russ.).
11. Illarionov, G. A., Gritskov, Yu. V., Morozova, O. F. & Rakhinsky, D. V. (2023). Traditional values: the ratio of a scientific concept and a political project. In: *Social and humanitarian knowledge*, 10, 71–74 (in Russ.).
12. Buzan, B., Wæver, O. & Wilde, de J. (1998). *Security: a new framework for analysis*. London: Lynne Rienner Publishers.
13. Moiseev, D. S., Sigachev, M. I., Kharin, A. N. & Arteev, S. P. (2023). The concept of global conservatism: Traditional values as a bridge between Russia and the West/ In: *Russia in global politics*, 21-5, 108–123. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-108-123 (in Russ.).
14. Bauman, Z. (2008). *Liquid modernity*. Moscow: Peter Publ. (in Russ.).
15. Bagdasaryan, N. G. & King, M. P. (2016). "Dynamic theorizing" by Z. Bauman: critical optics or the search for life strategies? In: *Philosophy of science and technology*, 21-2, 182–191. DOI: 10.21146/2413-9084-2016-21-2-182-191 (in Russ.).
16. Koromyslov, V. V. (2020). Basic attitudes of postmodernism as factors contributing to the deepening of the spiritual crisis of modern society. In: *International Research Journal*, 9-2, 58–63. DOI: 10.23670/IRJ.2020.99.9.047 (in Russ.).
17. Tuev, V. A. (2014). The origins of Russian civilization. In: *Man. Socium. Development*. Irkutsk, 147–152 (in Russ.).
18. Sviridkina, E. V. (2018). Justice as a value in the cultural and civilizational code of Russia. In: *Cultural heritage of Russia*, 2, 35–41 (in Russ.).
19. Borshchevsky, G. (2025). Traditional Russian values: opportunities for operationalization and sociological diagnostics. In: *Russian Sociological Review*, 24-3, 9–38. DOI: 10.17323/1728-192x-2025-3-9-38 (in Russ.).
20. Lazarev, V. V. (1998). On the integrity of the Russian idea. In: *History of philosophy*, 2, 36–55 (in Russ.).
21. Piskorskaya, Yu. S. (2013). Cathedral ideal of Russian culture. In: *Bulletin of KrasSAU*, 9, 282–285 (in Russ.).
22. Osipov, I. D. (2015). Category collegiality in Russian philosophy. In: *Russia in the global world*, 7, 403–410 (in Russ.).
23. Polomoshnov, A. F., Lykova, A. V. & Lugutsenko, T. V. (2024). The problem of sociocultural identity of Russian civilization. In: *Cultural life of the South of Russia*, 2, 28–39. DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-28-39 (in Russ.).

24. Amirkhanov, A. A. (2020). Triad of postmodern philosophy: "death of God" – "death of the author" – "death of the subject ". In: *KANT*, 2, 95–99. DOI: 10.24923/2222-243X.2020-35.19 (in Russ.).
25. Maron, R. E. (2022). Postmodernism Triad. Death of God, death of the author, death of the subject. In: Ovsyannikova, Yu. N., ed. *Actual problems of social sciences*. Tomsk, 35–37 (in Russ.).
26. Baghdasaryan, V. E. (2024). Traditional values and new worldview construction in Russia: problems and solutions. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 1, 8–25. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-8-25 (in Russ.).
27. Zykova, G. N. (2001). Postmodern culture and social cognition. In: *Philosophy and society*, 4, 156–175 (in Russ.).
28. Kovrigin, V. V. (2024). Increasing the educational potential of spiritual and moral values in educational programs and teaching the cycle of humanities at school. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 1, 47–54. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-47-54 (in Russ.).
29. Baghdasaryan, V. E., Jerusalem, Yu. Yu. & Arch. Sylvester (S. P. Lukashenko). (2024). *Traditional values as the basis of the new worldview construction of Russia*. Yaroslavl: Shukaev et al (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алаудинов Анти Аронович (г. Грозный) – кандидат политических наук, кафедра правовых дисциплин Института филологии, истории и права Чеченского государственного педагогический университета; российский государственный и военный деятель, Герой России;
e-mail: cafedraprava@mail.ru

Лескова Ирина Валерьевна (г. Москва) – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

Зязин Сергей Юрьевич (г. Москва) – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного университета просвещения; хирург
e-mail: wasatyay@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0547-2483

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Apty A. Alaudinov (Grozny) – Cand. Sci. (Politics), Institute of Philology, History and Law, Department of Legal Disciplines Chechen State Pedagogical University; Russian Statesman and Military Figure Hero of Russia;
e-mail: cafedraprava@mail.ru

Irina V. Leskova (Moscow) – Dr. Sci. (Sociology), Prof., Departmentally Head, Department of the Political Science and Law, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

Sergey Y. Zyazin (Moscow) – Cand. Sci. (Sociology), Assos. Prof., Department of Political Science and Law, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: wasatyay@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0547-2483